

ШКУРИН АЛЕКСАНДР

ДОЛГАЯ ДОРОГА

ПОВЕСТЬ

Александр Шкурин
Долгая дорога. Повесть

«Издательские решения»

Шкурин А. И.

Долгая дорога. Повесть / А. И. Шкурин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-746288-8

Грустная детективная повесть о несвятой троице, чьи судьбы случайно переплелись на перекрестках судьбы, и никто не испытает счастья от этой встречи, и каждый из них будет страдать по-своему, а именно: один из них, будучи следователем, будет вести допросы, другой, по имени К., будучи арестованным, будет вспоминать, что же его привело к этому, а главная героиня Ирочка Верещагина, будет между ними как нитка жемчуга без застежки, и каждый будет готов стянуть хоть одну жемчужину, но в свой карман...

ISBN 978-5-44-746288-8

© Шкурин А. И.
© Издательские решения

Содержание

I	6
IXII	8
II	10
IV	13
III	19
VII	21
VI	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Долгая дорога
Повесть
Александр Иванович Шкурин

© Александр Иванович Шкурин, 2016

ISBN 978-5-4474-6288-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Уважаемый читатель!

Читать можно или в линейном порядке, или в нелинейном порядке, как расположил автор.

I

Сексуально-озабоченный молодой человек спешил на трамвайную остановку. Еще издали, в толпе, покорно ожидающей трамвай, он заметил хорошенькую девичью фигурку, ярким огоньком светившим среди серых невыразительных людей, и теперь торопился рассмотреть ее поближе. Но он не успел, подошел, громыхая на стыках рельс, трамвай, со скрипом сдвинулись двери, и в открывшиеся прямоугольники дверей навстречу друг другу хлынули два людских потока.

Ему пришлось энергично поработать локтями, чтобы попасть в трамвай и занять место рядом с девушкой. Зрачки молодого человека жадно вобрали в себя тонкую фигуру девушки в клетчатой юбке, серой курточке и бежевом берете, из-под которого как бы случайно выбивался завиток русых волос. Особенно долго его взгляд задержался на чуть вытянутом лице девушки с вздернутым носиком, с полуопущенными верхними веками, на которых лежали густые коричневые тени, длинные ресницы были неподъемны от густой туши, а щеки покрывал восхитительный румянец от алхимических кухонь Тайваня или Гонконга, и такого же ядовито-розового цвета были раскрытые припухлые губки, но ее глаза он не сумел увидеть.

Молодой человек почувствовал, как непроизвольно напряглись мышцы его живота, губы моментально высохли, он быстро облизал их кончиком языка и стал мысленно упрашивать девушку: посмотри же на меня, какой я мужественный и сильный, никто в трамвае не сравнится со мной, так уступи мне, помоги избавиться от внезапно возникшей и сводящей с ума жажды по твоему прекрасному молодому телу.

Озабоченный молодой человек так долго и упорно смотрел на девушку, что она, кажется, вняла его просьбе, ее полуопущенные веки дрогнули, поползли вверх, и в лицо молодого человека заглянули небольшие серые глазки, которые он наконец увидел, но в ее глазах не было столь нетерпеливо ожидаемого им покорного согласия на утоление его жажды свежим девичьим телом; наоборот, ее взгляд был такой лениво-равнодушный, и в нем явно читалось, чего пристал, к-к-козел, не пяль на меня свои зенки. Молодой человек зябко поежился, словно ему за воротник насыпали пригоршню колюче-холодного снега. Вдобавок губы девушки презрительно вздрогнули, и он словно услышал ее мысленный посыл, выраженный в такой обценной лексике, что молодой человек почувствовал, как быстро покатился вниз с вершины своей сексуальной озабоченности к жалкому прозябанию ненужной тряпки, которая годится только для того, чтобы ею могли пыль протирать. Все ясно, он не подошел девушке, она отвергла его, но почему? Все еще озабоченный молодой человек надулся, покраснел, в голове вихрем пронеслось множество вариантов знакомства с девушкой, но ни на одном он не успел остановиться.

Трамвай неожиданно дернулся, и зашипели открываемые двери: его остановка, он уныло вылез и взглядом проводил трамвай, увозивший от него так возбуждившую его девушку.

Молодой человек поплелся своей обычной дорогой, пройденной до этого такое несчетное количество раз, что по ней, закрыв глаза, можно было идти и ни разу не споткнуться. Сейчас был именно такой случай, он шел и не видел свой путь, поскольку никак не мог забыть эту возбуждившую его незнакомку из трамвая. Ее гибкая фигурка по-прежнему дразнила и манила его, он не мог успокоиться, и от отчаяния крепко зажмурил глаза, и, о чудо, он ахнул от изумления. Девушка явно пожалела его и предстала перед ним нагая, ее тонкое тело было покрыто золотистым пушком, торчком стояли маленькие грудки, а ее таинственное лоно скрывали рыжие

короткие волоски. Молодой человек закрипел зубами и протянул к ее телу мгновенно вспотевшие пальцы, но девушка явно исчерпала свой лимит жалости к нему. Она вновь таким лениво-равнодушным взглядом посмотрела на него, что у него бессильно упали руки, а девушка подчеркнуто медленно надела лифчик, маленькие белые трусики и, присев и вытянув по очереди стройные ноги, натянула на них серые колготки. Кровь ударила в голову молодого человека, он рванулся к ней, чтобы ощутить ее манящее тело в своих руках, грубо сорвать с нее одежду и вонзиться в нее.

Однако вместо девушки он неожиданно очутился в объятиях пухлой, как подушка из гусиного пера, тетки. От неожиданности тетка громко взвизгнула и своим большим животом отшвырнула от себя, словно мяч, несчастного молодого человека. Вдогонку тетка негодуяще прогудела: «тю, скаженный, ничего не видит, совсем ослеп».

Тетка была права, молодой человек ничего не увидел и не услышал, он дрожал от возбуждения и обиды и никак не мог понять, почему же он не подошел этой девушке. Ему было невдомек, он еще не набрался мужского опыта, что хорошеньких девушек надо прельщать увесистым кошельком, а не голодным жадным взглядом, и плевать, что потом у девушек будет болеть голова или другие части тела.

Молодой человек был старше этой незнакомки из трамвая всего на год, учился в техникуме, в его карманах было пусто, и он был очень скромно одет поскольку жил с матерью на ее зарплату и свою стипендию.

Поэтому за душой молодого человека не было ничего, кроме сексуальной озабоченности, но автор не хочет его жалеть, кто знает, во что выльется с годами его ненасытное сексуальное желание. Однако дальнейшее повествование никак не связано с этим молодым человеком, и поэтому автор с богом отпускает его, пусть бредет и мечтает о юных и прекрасных девах в свои семнадцать лет, это была просто случайная встреча, и он никогда не встретит на своем пути так возбуждившую его юную незнакомку из трамвая.

Arrivederci*1, loser*2!

¹XII

Скорее, скорее! Она точно помнила, она не могла ошибиться. Где-то здесь была телефонная будка. Только бы найти. Эта мысль беспрестанно крутилась в голове, властно вытеснив все остальные мысли и подстегивало тело вперед. В глазах скакал темный асфальт, угрюмые фасады неосвещенных зданий враждебно смотрели ей вслед, и каждый черный угол таил в себе неведомый страх и ужас, слишком мало фонарей освещали ее кажущуюся бесконечной дорогу.

Она бежала по пустынным улицам, ставшими такими пугливыми в полночный час. Хрупкая тишина торопливо зажимала холодными ладошками уши, чтобы не слышать в ночной тиши громкий стук ее каблуков. Однако стук все равно назойливо лез в уши тишине, и она страдальчески морщилась и умоляла незнакомую девушку прекратить громко стучать каблуками, ночная тишина священна, и любой, посмеявшийся ее нарушить, был достоин самой изощренной казни.

Через дорогу девушка увидела желтую телефонную будку, бросилась к ней и задохнулась от отчаяния. Под тусклым фонарем хорошо было видно, что дверь телефонной будки злобно ощерилась осколками стекла, телефонный аппарат был без трубки, оборванный провод сиротливо застыл в тягостном ожидании монтера. Надо срочно искать другую телефонную будку. Она постояла, собираясь с мыслями, и попробовала побежать дальше. Но не тут-то было. Слишком много сил она израсходовала на первый рывок, и теперь сердце отчаянно билось в груди, грозя разнести вдребезги такие хрупкие стеклянные ребра, посиневшие губы хватили холодный ночной воздух, а перед глазами от чрезмерного напряжения плавали красные и синие круги. Ее ноги, прежде упруго отталкивающиеся от асфальта, предательски подгибались и упорно отказывались нести ее тело дальше, а еле волочились позади туловища. Но мозг, не выдающий усталости, понукал телом, как безжалостный погонщик усталым мулом, и она, шатаясь, пошла дальше искать другую телефонную будку.

Один пустой квартал, другой, и в конце третьего квартала она увидела телефонную будку, сиротливо прижавшуюся к темному зданию. Тяжело хрипя, она ввалилась в нее и зачем-то плотно прикрыла за собой дверь, словно кто-то мог подслушать ее. Левой рукой она сняла трубку, холодная пластмасса приятно остудила вспотевшую ладонь, и дрожащими пальцами правой руки стала тыкать в отверстия диска, пытаясь набрать две цифры, однако тугой диск не хотел поддаваться ее пальцам, и только со второй попытки с трудом провернулся.

Сначала в трубке зазвучали томительно-долгие гудки, а ее существо продолжало отчаянно вопить: скорее, скорее, отвечай же скорее, иначе будет поздно. Но вдавленный в ухо кружок мембраны между гудками доносил неясные шумы и какие-то далекие, слабо различимые радиоголоса, которые радостно щебетали о чем-то своем, птичьим, и им не было решительно никакого дела до ее печали и беды. Наконец в динамике раздался долгожданный щелчок, и она услышала, как женский голос произнес: «скорая слушает».

Она мигом подобралась и, уняв растрепанное дыхание, постаралась спокойно произнести, чтобы не выдать своего волнения, короткую фразу: «ножом в живот ранен мужчина». Голос в трубке, словно не услышав о ножевом ранении, деловито продолжил: «фамилия, имя отчество и возраст больного». Она растерянно сказала: «не знаю, как его зовут, а возраст около

---

¹ 1 arrivederci – до свидания (итал.) 2 loser – неудачник (англ).

сорока». Ее попросили назвать адрес, она его сказала, и тот же голос из трубки спросил: кто звонит? Тут она не выдержала и сорвалась: «Вам какое дело? Вам позвонили, дальше ваша забота!» и резко нажала на рычаг телефона.

Несколько минут она держала трубку в руках, а потом со всей силы ударила трубкой по корпусу телефона. Еще и еще раз. Она молотила трубкой до изнеможения, пока беззащитная трубка не выдержала, раскололась, из нее выскочил динамик и упал на пол, а в ее руках остался обломок трубки. Она отбросила этот обломок, который бессильно закачался на проводе. Вспышка обессилила ее, она почувствовала, как противно дрожат ноги, и струйки пота неприятно холодили спину. Ей захотелось упасть и обо всем забыть, но отсюда надо было уходить.

Цепляясь за дверь, она буквально выползла из телефонной будки, и остановилась в растерянности. Куда ей идти? Впрочем, теперь уже все равно. Она отцепилась от двери телефонной будки и усталой семенящей походкой, словно сделав скачок лет на шестьдесят вперед, если только удастся ей их прожить, поплелась, словно древняя старуха. В слезящихся старушечьих глазах все расплывалось, тело сторбилося от тяжелого груза еще не прожитых лет, язык обсасывал голые десны с последним зубом наверху, а в усохших мозгах серой мышкой по пустому амбару сиротливо бродила последняя мысль: теперь не надо спешить, впереди ее ждет только одна холодная могила.

Над ней, в обманчиво-низком ночном небе, на фронтоне самого высокого в городе здания ярко горели, собранные из электрических лампочек, два лозунга, первым из которых был «СЛАВА КПСС!», а вторым, расположенный ниже первого, был «ДА ЗДРАВСТВУЮТ 70 ЛЕТ БЕСПРЕРЫВНЫХ ПОБЕД!».

Автор кается, ему так хотелось написать, рука просто зудела, что у лозунга «ДА ЗДРАВСТВУЮТ 70 ЛЕТ БЕСПРЕРЫВНЫХ ПОБЕД» не горели лампочки в первом слове слова «ПОБЕД», и лозунг уже звучал не так бодро, и над сермяжной правдой такого лозунга, хмурая брови, можно было даже задуматься, накativ этак грамм стопятьдесят.

Однако автор вспомнил, что в те времена электрики в штатском строго контролировали электриков в спецовках, и поэтому у лозунга «ДА ЗДРАВСТВУЮТ 70 ЛЕТ БЕСПРЕРЫВНЫХ ПОБЕД» не могло быть изъянов в виде не горевших лампочек в первом слове слова «ПОБЕД».

II

Девушка, которую так поедал глазами уже давно позабытый молодой человек, выпорхнула из трамвая и направилась в училище. Она, как всегда, опоздала на занятия, и поэтому пошла с черного входа, чтобы не нарваться на дежурного. Ей удалось незаметно проскользнуть в училище и по лестнице осторожно подняться на второй этаж, но у самой двери кабинета, где была ее группа, удача покинула ее. Об этом поняла, когда услышала за спиной грубый окрик: «Верещагина!». Она повернулась и закусила губку от невезухи, за ее спиной стояла замдирша Каракатица.

В училище уже никто не помнил, почему ее так прозвали, но прозвище передавалось от одного поколения учащихся к другому, и очень подходила к чрезмерно полной в животе и бедрах, женщине с мелкими чертами вечно озабоченного лица и сосульками тускло-белых волос. При ходьбе Каракатица переваливалась, как утка, и мотался из стороны в сторону рыхлый живот.

Девушка прислонилась к стене, окрашенной темно-зеленой краской и стала терпеливо ждать очередную порцию воплей, потому что по-другому эта замдирша не умела говорить со своими подопечными, и та не подвела, выдав привычное, не раз ею услышанное: «Верещагина! Дрянь паршивая! Ты нас позоришь! Где ты шлялась целую неделю? Опять пропускаешь занятия? Когда этому будет конец?», и так далее и тому подобное еще несколько минут громко разносилось по пустому коридору. Наконец, выдохнувшись, Каракатица произнесла, как припечатала: «попомни мои слова, скоро ты сядешь в тюрьму!».

Каракатица, в миру Мария Петровна Чуднова, знала о своем прозвище, поначалу она обижалась, потом привыкла и не реагировала на него, что поделать, если родители наделили таким несуразным телом, которое еще к сорока годам расползлось во все стороны как квашня. Мария Петровна, еще молодой учительницей сумела вступить в партию, чтобы сделать карьеру, но карьера не задалась, и она навсегда застряла на должности заместителя директора по воспитательной работе в училище. Как правоверный коммунист, Мария Петровна не верила в мистику, и сначала ее испугал открывшийся у нее дар провидения, когда она, увидев в первый раз поступившую в училище девчонку, смогла предсказать ее судьбу. Потом еще и еще раз, и она сбилась со счета, но каждый раз ее предсказания сбывались с пугающей достоверностью.

Заместитель директора по воспитательной работе Мария Петровна Чуднова благоразумно никому не рассказывала о своем даре и озвучивала вслух свои пророчества только в том случае, если уж девчонка была совсем отвязная и безбашенная. Верещагина была из этой категории, поэтому она и напороочила ей печальную судьбу.

Однако дар для Марии Петровны имел и обратную сторону, когда она озвучивала свое предсказание относительно судьбы какой-нибудь глупой девчонки, ее сердце острой иглой прожигала боль. Врачи, к которым Мария Петровна обращалась по поводу болей в сердце, благоразумно умолчав о своем даре, назначали лечение и ненавязчиво советовали сменить место работы, но выбора не было. Она получала весьма приличную зарплату, на ее шее сидел муж-инвалид и двое детей, поэтому она не могла позволить себе уйти с должности заместителя директора училища и стать просто учителем с небольшой зарплатой, и продолжала тянуть лямку, спасаясь от болей в сердце валидолом и корвалолом. Мария Петровна смири-

лась со своей участью и теперь старалась как можно реже высказывать вслух свои мрачные предсказания.

Девушка, чью фамилию только что узнал автор и читатели, привычно пропустила мимо ушей вопли Каракатицы и привычно огрызнулась: «сама хочу уйти из училища, но только не отпускаете», и зашла в кабинет. В большом кабинете было всего несколько девчонок из всей группы, которым в этот день совсем было некуда пойти, и поэтому они, скрепя сердцем, оказались в училище, и сейчас, сидя за столами, отчаянно скучали, а математичка выписывала на доске какую-то мудреную формулу и что-то бубнила себе под нос. Мел в ее пальцах откровенно скрипел по классной доске.

– Всем привет, вот и я! – весело воскликнула Верещагина, инцидент с Каракатицей уже забылся и уплыл прочь, словно щепка в бурном потоке.

Девчонки мигом ожили, и словно преподавательницы не было в кабинете, стали шумно обсуждать ее появление.

Верещагина, задрав нос, важно прошествовала к последнему столу, не забывая при этом усиленно покачивать красивыми бедрами и пытаясь выписывать ими восьмерки. Такую походку она увидела в каком-то французском фильме у главной героини и теперь старалась подражать ее походке. Откровенно, получалось плохо, но откуда девчонке из провинциального города могло быть известно, что такую походку изобрела Мэрилин Монро², и ей стали подражать по всему цивилизованному миру. Актриса из французского фильма, имя которой она не запомнила, но так хотелось ей подражать, до карьеры в кино была моделью и выступала на подиуме, а там хорошим кнутом умели поставить походку!

Математичка, перестав бубнить, косо посмотрела на Верещагину и застучала мелом по доске, призывая к порядку, но тщетно, девчонки ее не слышали, как и не слышали до прихода Верещагиной, и стали наперебой выкладывать ей последние сплетни из училищной жизни. Математичка еще сильнее застучала мелом по доске, он стал крошиться в ее пальцах, крылья ее носа стали опасно раздуваться, лицо резко покраснело. Сейчас заорет, подумала Верещагина и громко сказала: «хватит девочки, пусть эта болтает дальше», кивком головы показывая на преподавательницу.

Ее слова возымели действие, девчонки стали успокаиваться и перестали громко щебетать, а математичка, молча проглотив оскорбление, благоразумно сделала вид, что ничего не слышала, продолжила урок и писать мелом на доске. Но у Верещагиной были дела поважнее, чем слушать учительницу с ее непонятной формулой на доске. Утром она увидела на носу прыщик, и теперь, положив на стол зеркальце, стала осторожно его выдавливать.

Следующим уроком были правила дорожного движения.

Старого хрыча, которого вел этот предмет, с первых минут урока было принято выводить из себя, и дальнейший урок превращался в цирк, когда старый пердун хромой лошадью скакал по кабинету, громко кричал что-то несурзное и брызгал слюной. Поэтому, дождавшись, когда старый хрыч стал распинаться о необходимости соблюдения правил дорожного движе-

---

² Мэрилин Монро – Норма Джин Бейкер, 01.06.1926 – 05.08.1962, американская киноактриса, секс-символ 50-х годов 20 века15

ния, Верещагина намеренно громко фыркнула. Старый хрыч споткнулся на полуслове, уронил на стол тонюсенькую брошюрку с правилами дорожного движения, его лицо побагровело, губы задергались, и он стал мучительно долго выбираться из-за стола. Наконец он выбрался из-за стола, и, припадая на левую ногу, поскакал к Верещагиной, навис над ней и, задыхаясь, выплюнул: «пошла вон отсюда!».

Верещагиной надо было сделать вид, что она не услышала слов преподавателя, отвернуться к окну, выдержать паузу, а потом, словно случайно увидев старого хрыча, невинно захлопать глазками и голосом прилежной ученицы вежливо пропищать: «я пожалуйсь директору, опять ко мне пристаешь, невинности хочешь лишить, а я девочка порядочная, кому попало не даю».

Затем начинался такое светопреставление, что об уроке правил дорожного движения можно было забыть, и до звонка старый хрыч, плюясь слюнями, начинал скакать между рядами в кабинете, а девчонки еще больше заводили преподавателя.

Верещагина так и проделала, отвернувшись к окну, но ей не удалось выдержать паузу, старый хрыч неожиданно сильно дернул ее за руку. Девушка вскочила, стул с грохотом упал за нее спиной, и чуть было не залепила ему пощечину, но остереглась, преподаватель мог настучать директору, а та – сообщить в инспекцию по делам несовершеннолетних, где ей прямо сказали, что больше церемониться с ней не будут и направят в спецшколу.

Поэтому Верещагина дернула плечиком, презрительно посмотрела на перекошенную морду старого хрыча и неторопливо пошла к двери. Обернувшись у самой двери, чтобы за ней осталось последнее слово, насмешливо сказала: «Ах, как я боялась тебя, ах, как ты напугал меня, старый пердун», и громко хлопнула дверью. Она ожидала, что девчонки рассмеются, но они неожиданно промолчали, в кабинете почему-то было очень тихо, но молчание девчонок не обидело Верещагину, скорее слегка разозлило. Ничего, в следующий раз она свое возьмет, еще покажет старому хрычу и девчонкам из группы, и спокойно пошла из училища.

На сегодня ее занятия в училище закончились.

IV

Тускло-серые стены, такой же тускло-серый потолок, и под стать стенам и потолку такого же тускло-серого цвета были полы. С одной стороны комнаты – тускло-серого цвета металлическая дверь с глазком посередине, с другой – почти под самым потолком маленькое окошко, забранное решеткой, сквозь которое с трудом просачивается тускло-серый дневной свет. Только посередине комнаты, – тягучим диссонансом, грубо прерывающим симфонию в тускло-серых тонах, – коричневый полированный стол, по обе стороны которого, чтобы все-таки поддержать симфонию в серых тонах, стояли две серые табуретки, намертво прикрученные к полу.

Следователь достал из коричневого портфеля папку из серого рыхлого картона с наклеенным на обложке белым прямоугольником, на котором крупным шрифтом было написано «Уголовное дело по обвинению...», эту папку следователь аккуратно положил на стол, достал из портфеля шариковые ручки, чистые листы бумаги и сел на табуретку возле стола.

На другую табуретку опустился К. – очень вежливый, спортивного вида двадцатилетний мальчик из хорошей семьи, неутомимый вор, недавно задержанный милицией. Его «специализацией» были автомобильные колеса, в этом деле он достиг больших сноровки и мог в считанные минуты лишиться машину колес, владельца которой не спасали и болты с секретом, а утром счастливый владелец мог увидеть свой автомобиль, стоящий на четырех кирпичных столбиках. Онемевшие от увиденного владельца бегом, но уже на своих двоих, мчались в милицию, где, брызжа слюной от негодования, строчили заявления на того мерзавца, что посмел разуть дорогого их сердцу железного коня.

К. держался пока самоуверенно, и его светло-голубые брюки и синяя рубашка не успели сильно измяться на нарах и пропитаться тяжелым запахом камеры, но карие глаза уже с тоской смотрели на квадратики серого неба в зарешеченном окне. В голове К. назойливой мухой о стенки черепной коробки билась мысль: перемахнуть бы через стол, рыбкой выскользнуть в окно и упасть на той, другой стороне, плевать, если со всего размаха сильно разобьешься об асфальт, на той стороне ходят совсем свободные люди, а он здесь; эх, ему хоть бы еще один денечек пожить на воле, всласть подышать пьянящим-свежим воздухом, а потом – будь что будет.

Но сквозь частые прутья решетки не протиснуться, стену не прошибить лбом, надо смириться и отвечать на бесконечные вопросы, настороженно ожидая какого-нибудь подвоха. Ничего не поделать, теперь придется жить воспоминаниями, а они со временем будут терять свою яркость и скоро будут похожи на старые истертые монеты, давным-давно никому не нужные, но которые рачительный хозяин не спешит выбрасывать из кошелька. Еще хуже настоящее и будущее, – однообразная череда тоскливых дней, когда один день сменяет другой и его не отличить от предыдущего, и ничего не остается в памяти, парализованной долгой отсидкой впереди. Сколько ему на этот раз отмерят – четыре или пять? – ему неизвестно, но около пяти лет надо приготовиться вычеркнуть, легко сказать вычеркнуть, эти годы надо как-то пережить. Огромное количество дней, еще большее количество часов, а про минуты и говорить не стоит. Как будущий, но так и не состоявший инженер, он потратил время на подсчет. Пять лет – это почти 261 неделя, 1825 дней, невообразимое количество часов и минут. Жаль, что эти недели, дни, часы и секунды нельзя положить, как деньги в банк, а потом истребовать их с процентами и с шиком гульнуть на них.

Это мгновения его жизни, а не просто абстрактные цифры, эх, надо было быть умнее, надо было быть осторожнее, но ему не повезло, и он попался.

В то же время К. осознал, что должен, просто обязан был попасться, слишком нагло он себя вел, прятал свой страх в дальний угол, но и там страх выгрызал ему душу, а теперь дальний угол вплотную приблизился к нему, и дышит в лицо сыростью и туберкулезом. Отбегался мальчик. Впору похороны устраивать по первому разряду, да плакальщиц не будет, а разве это похороны?

Однако следователь, с которым встречался К. уже второй раз, не был похож на могильщика, могильщиками были другие милицейские, с которыми, век бы их не видеть, пришлось ему познакомиться после задержания. Этот следователь, который носил точно такую же темно-серую милицейскую форму, был другим, он произвел на К. приятное впечатление, может быть потому, что не срывался на крик, как другие, не стучал кулаком по столу, не угрожал сгноить в тюрьме и возможно еще потому, что пахло от него каким-то заграничным одеколоном. К. долго мучился, аромат был знакомый, но он никак не мог вспомнить его, пока однажды, проводя на нарах очередную бессонную ночь, вспомнил, – это был одеколон «Aramis».

Такой одеколон К. видел у своего сокурсника, чей папаша регулярно совершал командировки в Москву. Он с удовольствием вспомнил коробку в коричнево-золотистых тонах, флакон с узким высоким горлышком, завинчивавшийся золотой пробкой, а какой был аромат у одеколona «Aramis»! Теплый, нежный, с запахом кожи, сандалового дерева, жасмина и массой еще незнакомых ароматов. Стоило открутить пробку, поднести горлышко флакона к носу, втянуть в себя его аромат, и можно было улететь или в Париж, или на какой-то другой райский уголок земли. Аромат одеколona «Aramis» вставлял почище всякой дури.

Втянуть бы в себя этот аромат, чтобы забыть о милицейских и о грязных жестких нарах, на которых теперь приходится отлеживать бока. Эх, колеса, докатили К. до каталажки, лучше бы укатили его куда-нибудь далеко, на край земли, но проклятые колеса не вняли молитвам К.

К. тяжело вздохнул, вслед за ним тяжело вздохнул автор и почему-то некстати вспомнил, что одеколон «Aramis» был выпущен парфюмером Бернардом Шантом в 1966 году.

За время ареста К. прошел через многие милицейские руки. Особенно К. запомнился один, который вкрадчивым голосом совершенно неожиданно предложил ему покаяться, облегчить душу, стать чистым перед законом, прозрачно намекнув, что в этом случае поможет сократить срок, но с одной маленькой оговоркой, – взять на себя в качестве довеска, для ровного счета, еще пару-тройку нераскрытых преступлений, уж очень эти преступления по почерку походили на дела К. Он долго искушал К., рисуя перед ним манящие перспективы, пара-тройка чужих дел такой пустяк, зато К. потом с просветленным сердцем может вернуться в свободную жизнь. К. сначала воодушевился, услышав о возможности уменьшения срока, но повесить на себя чужие дела ему почему-то не захотелось. Тот милицейский, что сначала сладко, как канарейка, заливался перед ним, после отказа поскукнел и закончил весьма банально, как и другие, обещанием долгой и жесткой отсидки.

На первом допросе этот следователь ничего не обещал К., он сухо задавал вопросы и записывал ответы на них. В конце допроса попросил прочесть его показания и расписаться под ними. По вопросам следователя К. понял, что тот хорошо знает о его похождениях и вытря-

сет из него все, до последней мелочи, как бы К. не хитрил и не пытался переложить на других свои, как он про себя называл, «мелкие шалости». К. понял, что ему будет сложно противостоять этому следователю.

Утром К. дернули на второй допрос. Постовой привел его в следственную комнату. К. привычно сел табуретку, следователь привычно достал из коричневого портфеля папку из серого рыхлого картона с наклеенным на обложке белым прямоугольником, на котором крупным шрифтом было написано «Уголовное дело по обвинению...», эту папку следователь аккуратно положил на стол, достал из портфеля шариковые ручки, чистые листы бумаги и сел на табуретку возле стола.

Начался новый допрос. Следователь был вездливый, он спрашивал о таких мелочах, о которых К. забыл или же с удовольствием бы постарался бы не вспомнить. Теперь его «шалости» следователь оценивал со стороны уголовного кодекса, но К., у которого это была уже вторая «ходка», знал, что одно, что два, или все его похождения (точное количество их он не помнил, не считал), тянут на одну статью и больше указанного в ней срока он не получит. С одной стороны это радовало его душу, но К. не собирался сам обо всем рассказывать следователю, благодарю покорно, найдите другого глупца, он не из их категории, однако тяжелые ночи на нарах измучили его мозг, постепенно лишая возможности сопротивляться.

Бесконечные часы, которые К. был вынужден проводить на нарах с вонючими скотами, окружающими его в камере, неожиданно пробудили в нем огромную жажду по хорошей беседе с умным человеком. До ареста в этом не было нужды, жизнь была плотно наполнена ночными эскападами, легкими деньгами от них, которые также легко тратились на модные тряпки, дискотеки, выпивки и девочек. Среди этих девочек почему-то больше других запомнилась одна пэтеушница, как ее там фамилия, – э-э-э, кажется Щапова, нет, Шагина, вспомнил, – Верещагина! С ней было хорошо и легко, и от воспоминания о ней вдруг повеяло чем-то приятным и теплым, почти родным.

Сейчас, когда все резко изменилось, непривычно тяжелые думы стали одолевать К., но никто из допрашивавших его не спешил пролить на него живительный дождь умных бесед. Все допросы были конкретно-предметными: где был такого-то числа, с какой машины снял и сколько колес, кому продал, цену, можешь их описать-показать, кто был с тобою, как распределялись роли между соучастниками.

Больше его ни о чем другом не спрашивали, и, едва он заканчивал в очередной раз рассказывать, как о нем тут же забывали, как о ненужной вещи, и сразу отправляли в камеру.

К. стал чувствовать, что он достиг той грани, после которой, еще чуть-чуть, и у него начнется истерика.

Когда же этот следователь неожиданно попросил его вспомнить о прошлом, К. насторожился, его просветили в камере, что откровенность со следователем ему ни к чему, следователь заработает себе очередную звездочку на погоны, а он, соответственно, или лишнюю статью, или лишний год отсидки. Настороженность так явно читалась на лице К., что следователь просто сказал, что хочет помочь ему. К. вспомнились данайцы, дары приносящие, он замкнулся в себе и только тоскливо произнес: «помочь мне?».

Следователь кивнул головой. К. горько усмехнулся: «разве можно помочь здесь?» и театрально-фальшивым жестом раскинул руки в стороны, словно призывая голые серые стены, видевших многих, хороших и плохих, в свидетели.

– Вам нужна только свобода, – то ли утверждая, то ли предполагая, сказал следователь.

К. судорожно кивнул головой и провел кончиком языка по внезапно пересохшим губам. Слово-то, какое, свобода! Как солнечный зайчик, – греет и не поймать его.

– Сразу говорю, свободу не обещаю, – огорошил К. следователь. – Для вас быть здесь – это благо.

– Что это за благо, – вскинулся К.

– Катарсис³, – произнес следователь смутно знакомое слово, К. попытался вспомнить его значение, но измученный мозг не хотел ему помочь, значение слова ускользало от него, и К. обидчиво сказал:

– Неужели я должен гнить в этом дерьме?

– Что же прикажете делать с вами, чтобы вы не принялись за старое?

– Поверить мне, поверить!

– Один раз уже поверили.

– Один раз не считается, поверьте еще раз!

– Что же надо будет делать?

– Перевоспитывать, – буркнул К.

– Как?

– Это ваша забота.

– Другого рецепта не придумали, надо просто не нарушать закон.

– Так пела моя бабушка, – с издевкой подхватил К., – и померла как нищая церковная крыса. Даже в гроб не в чем было положить. Другие не попадают, живут, жиреют и хвастаются, как умеют ловчить, плюют на ваш закон и не попадают.

– Другие не попадают, а ты – попался, – задумчиво возразил следователь, и сразу же задал вроде бы наивный вопрос:

– Разве лучше украсть несколько тысяч и провести долгие годы в колонии?

– Тогда что есть у вас? – вроде бы наивно удивился К.

---

³ катарсис – очищение через страдание (греч.)

Следователь помолчал и ответил:

– Свобода и работа.

– Что же это за свобода и работа, если я поневоле, а вы по воле, сидим здесь вдвоем и дышим этой гадостью? Чем ваша свобода лучше моей несвободы?

Хорошо он поддел меня, подумал следователь, ему не откажешь в проницательности. Слова о долге будут явно звучать фальшиво и неискренне. Следователь решил сделать вид, что не понял сути вопроса К., иначе этот разговор мог завести слишком далеко. Придется признать, что следственная работа была не столь романтична, как ее изображали в книгах и в фильмах, когда следователь с усталыми, но добрыми глазами изобличает хитроумного преступника. На поверку следственная работа оказалась полной грязью, и иногда, когда он выдыхался, хотелось самому себе, как на духу, как на исповеди, признаться, что он по своей воле обрек себя на эту тяжелую работу.

Иногда он ставил себя в тупик простым вопросом: кто же больше свободен, – тот, кто сидит напротив него, – так для сидельца это всего лишь краткий и не самый удачный эпизод в ярком калейдоскопе его жизни. Он же цепями образования, однажды избранной специальности, деньгами за нее сам приковал себя к этому столу, и осужден навечно копаться в чужой грязи. Эта грязь засосала его, как питанские болота, и если он сумеет выбраться из них, никогда не сможет отмыть ноги от этой грязи.

Подчас следователь мечтал плюнуть и уйти, прекратить копаться в чужих судьбах, но ничего другого делать он не умел, и поэтому, проклиная все на свете, продолжал, как упрямый вол, тянуть это ярмо, утешая себя тем, что кто-то должен делать эту работу.

Лучше спрятаться, как улитка в раковину, не стоит перед К. выставлять напоказ свои сомнения. Он, черт возьми, слуга закона и защищает честных людей от преступников (только от частого употребления этих словосочетаний рот наполняла липкая слюна, которую было вовек не сплюнуть, так от них почему-то стало отдавать неискренней казенщиной), а К. – просто очередной преступник, в нескончаемой череде дел, которое он расследует. Папки с уголовными делами так заполнили его сейф, что едва он открывал дверцу сейфа, как папки чуть ли не снежной лавиной накрывали следователя.

Поэтому следователь осторожненько, чтобы не последовало других каверзных вопросов, ответил следующим образом:

– У меня душа свободна, а ваша блуждает в потемках и не видит выхода.

– Где же этот выход? – почти выкрикнул К.

– У каждого свой, но есть общий, – не нарушать закон, (черт, опять унылая казенщина, прописные истины, подумал следователь, но других слов он не нашел).

– Закон, закон, – после вспышки вяло пробормотал К. – Я хочу жить полно, а не прозябать на жалкие гроши.

– Тогда придется лучшую часть жизни провести за решеткой, заработать кучу болезней, стать немощным и тихо помереть где-то в канаве.

К. деланно рассмеялся:

– Конец у нас с вами будет один, так лучше провести жизнь с блеском, а не сидеть за этим унылым столом.

– Поживем, – увидим, – спокойно ответил следователь. – Мы слишком далеко отклонились от темы нашей беседы. Давайте поговорим о Вашем прошлом.

– Неужели оно Вам интересно, – искренне удивился К.

Следователь кивнул головой.

К. помолчал, а потом тихо пробормотал.

– Тогда слушайте.

III

У светофора Верещагина остановилась в задумчивости: куда пойти? По магазинам – она там была вчера, в кино – афишу нового фильма еще не вывесили, а старый фильм она уже видела, ее мальчик куда-то бесследно исчез, а без него было скучно, остались подружки, но дома ли они. О, вспомнила, можно пойти к Ленке, она сегодня дома. Она хвасталась, что купила пластинку добрых молодцев⁴ с золотым рассветом⁵. Сейчас самая модная песенка!

Пока Верещагина раздумывала, мимо нее, таща за собой шлейф пыли и отработанных газов, быстро потекли капли разноцветных автомобилей, среди них в основном были москвичи и жигули. Верещагина засмотрелась на них, мгновенно представив себя в шестерке, такой шикарной машинке, выглядевшей как игрушка, вся в блестящих хромированных накладках.

Но если выбирать, лучше оказаться в волжанке, вот эта тачка, длинная, как такса, с мягкими диванами, в которой, откинувшейся на спинку в небрежно-изысканной позе *moviestar*⁶, на большой скорости можно рассекать по городу. Другие драндулеты будут покорно уступать дорогу, а их водилы отчаянно завидовать владельцу волжанки; все-таки несправедливо, что она стоит на тротуаре, а не сидит в машине.

Ведь она очаровательная малышка, так сказал один мальчик, с которым она недавно славно повеселилась, и она тут же, придиричиво осмотрев себя в зеркальце, убедилась в правдивости его слов. Поэтому Верещагина стала тихо повторять себе под нос: «хочу в волжанку, хочу в волжанку». И, словно повинувшись ее прихоти, один автомобиль резко взял вправо, притормозил у кромки тротуара, дверца открылась, и из нее призывно замахали.

Верещагина встрепенулась, но неторопливо, набивая себе цену, подняла глаза и убедилась, что перед ней стоит роскошная белая волга, именно такая, в котором она только что мечтала прокатиться. Несмотря на пыльные дороги, корпус волжанки прямо-таки сиял белым перламутром, а ее колеса сверкали хромированными колпаками. Ее сердце застучало быстро-быстро, и она с готовностью подбежала к автомобилю. В ней был пятидесятилетний мужик с курчавыми седеющими волосами, упакованный в фирменные джинсовые тряпки, и на его правом запястье волшебным образом сияли ослепительные японские часы ОРИЕНТ С КОРОНОЙ.

Она прыгнула на переднее сидение, поерзала, устраиваясь поудобнее, и с гордостью отметила, что у мужика от ее фигуры загорелись глаза. Это уже второй за день, кто облизнулся, глядя на нее, самодовольно отметила Верещагина, но если первый, был сопляком безденежным, не имеющим за душой ничего, кроме сексуальной озабоченности, то этот, второй, сразу видно, солидный мужик с деньгами, она легко раскрутит его, и мужик не пожалеет, что потрагился на нее.

Девушка с наслаждением откинулась на мягкую высокую спинку, придала своему лицу так удававшийся ей лениво-презрительный вид. Машина тронулась, и Верещагина гордо посмотрела на людей, понуро оставшихся стоять на тротуаре, пусть все видят и завидуют черной завистью, она едет в такой шикарной тачке!

---

⁴ «Добры молодцы» – вокально-инструментальный ансамбль, популярный в Советском союзе в 80 годы 20 века

⁵ «Золотой рассвет» – хит «Добрых молодцев»

⁶ *moviestar* – кинозвезда (англ.)

Мужик, одной рукой управляя автомобилем, другую руку по-хозяйски положил на колено девушки и стал гладить его, забираясь все выше, к трусикам. Верещагина отнеслась к этому спокойно, пусть гладит и пускает слюни, свое от мужика она обязательно получит. Мужик несколько раз внимательно посмотрел на нее, и, точно, не обманул ее ожидания, предсказуемо сказал: «пошли вечером в кабак» и предложил ей самой выбрать кабак.

Девушка задумалась, в кабаках она была очень редко, по пальцам можно пересчитать, но слышала, что самый лучший, это центральный; правда, знакомые девки, которым посчастливилось там побывать, с придыханием говорили, делая преувеличенно большие глаза, какие там заоблачные цены, но там так хорошо-о-о!

Верещагина, бросив внимательный взгляд на мужика и оценив его прикид, тачку и вспыхивающие, как бриллиант под солнцем, японские часы ОРИЕНТ С КОРОНОЙ на запястье правой руки, решила, что у него не убудет, надо идти только в центральный кабак. Пусть потратится на нее и доставит ей маленькую радость в жизни.

Не отрывая взгляда от дороги, Верещагина, чуть помедлив, словно делая ему одолжение, лениво кивнула головой, процедила сквозь зубы: «только в центральный», и протянула руку к яркой пачке американских сигарет «Rotmans», лежавших на передней панели машины. Девушка не курила, но вид пачки импортных сигарет подействовал на нее завораживающе, такая красота, темно-красная пачка из твердого картона с золотой вязью латинских букв, поднимаешь крышку, а там пачка разделена на два отделения, где в серебристую фольгу упакованы длинные сигареты с приятно пахнущим табаком. Мужик, чья рука уже поднырнула в ее трусики и по-хозяйски неторопливо добравшаяся до ее лона, произнес: «об чем вопрос, для тебя – любой кабак города, хошь в центральный, так в центральный, я не против, завалим вечерком в него и хорошо там оттянемся».

VII

Следователь никогда не ходил по своим подопечным.

Только в плохих фильмах о тяжелых милицейских буднях показывали, как следователь ходит по домам и тщательно выясняет все обстоятельства преступления. Но киношные следователи за полтора-два часа экранного времени расследовали только одно уголовное дело, а у следователя от этих уголовных дел сейф с трудом закрывался. Когда ему выбрать время, чтобы незваным гостем, хуже татарина, пугать своими визитами жертвенных овнов, что заблудились в пространстве и их слабые копыта, трясаясь и подгибаясь после перепоя, никак не могли донести штормящее тело до следователя. Для этих целей есть опера, пусть свой хлеб отрабатывают.

Однако здесь выбирать не приходилось, по уголовному делу К. истекал срок следствия и его надо было сдавать в прокуратуру, и поэтому, если он не срочно не найдет и не допросит Верещагину, придется брать подмышку уголовное дело К. и идти получать очередной разнос от начальства. Хитрые опера, которым он давал задания, вместо Верещагиной приносили отписки, что ее никак не могут найти.

Следователь, проклиная оперов, которые явно ленились, не искали Верещагину и строили свои рапорты, не выходя из кабинета, был вынужден сам искать девушку, чтобы нанести ей визит. Оказалось, что найти Верещагину было просто. Достаточно было поднять трубку и позвонить в инспекцию по делам несовершеннолетних и договориться с начальником инспекции, чтобы тот прислал ему своего сотрудника, который занимается Верещагиной и знает, где она живет.

Когда к нему в кабинет вошел молодой инспектор по делам несовершеннолетних, следователь решительно затолкал в сейф очередное уголовное дело, которое недавно принесли от начальства с грозной резолюцией о скорейшем его расследовании. При этом следователь привычно пожалел, что сейф сделан из стали, а не из резины, и решительно отказывался принять в свою утробу еще одно дело, но его руки привычно утрамбовали и это уголовное дело среди других, с натугой закрыл дверцу и повернул ключ в замке.

Потом, проникновенно глядя в глаза инспектору по делам несовершеннолетних, сказал, что ему просто срочно необходимо найти Верещагину, пошутив, что только инспектор может спасти никчемную в глазах начальства жизнь следователя.

– Верещагину? Точно? – не поверил инспектор.

Следователь с недоумением повторил, как ему срочно нужна эта девушка.

– Наконец-то! – с восторгом воскликнул инспектор. – Наконец-то я избавлюсь от Верещагиной. Вы не представляете себе, как она мне надоела! Я хожу к ней чаще, чем к любимой, у Верещагиной не квартира, а настоящий притон. Меня все соседки-старушки замучили, каждый день мне звонят и жалуются на нее, а что я могу сделать? В очередной раз побеседовать с ней и в очередной раз грозно предупредить, что нельзя себя плохо вести? Чихала она на мои последние китайские предупреждения. Уставится на меня своими невинными глазками, пустит

слезу: «я вся такая из себя одинокая, разнесчастная и некому наставить ее на путь истинный», – что впору пожалеть ее.

– Неужели приходилось ее жалеть? – вроде бы наивно удивился следователь.

– Покорнейше благодарю, не успел, и сейчас я с радостью умываю руки, теперь ваша очередь, – ехидно парировал инспектор.

– Надо будет – пожалею, – бодро пообещал следователь. – Объясни, почему ты сказал, что Верещагина одинокая?

– Ох, и наплачетесь Вы с ней, – сказал инспектор. Как потом выяснилось, он словно в воду глядел, но следователь был еще счастлив своим неведением, а инспектор с удивлением спросил:

– Разве Вы не знаете ее историю, – удивился инспектор, – мне казалось, что о ней знает весь отдел.

– Не надо преувеличивать, – возразил следователь, – Верещагина – не звезда экрана, у нас таких, как она, по самую макушку, плохих по тринадцати на дюжину кладут.

Инспектор, хмыкнув, согласился со следователем и продолжил свой рассказ, и следователь узнал, что родители Верещагиной расстались, когда девочке исполнилось десять лет. Отец ушел к другой женщине, забыл о дочери, а мама сначала пустилась во все тяжкие и, соответственно, закончила плохо: ее нашли задушенной в канализационной трубе. Отец отказался забрать дочь, у него уже была другая семья, в которой появились дети, и его вторая жена была категорически против нее, а девочка, ставшая уже подростком, сначала оказалась в интернате, а потом ее взяла бабушка. Сейчас бабка сошлась с каким-то дедом и живет у него, а Верещагина осталась в бабкиной комнате в коммунальной квартире. Туда сейчас они и пойдут.

Их путь оказался недалеким, едва они прошли от отдела милиции три квартала, как инспектор повернул на тихую провинциальную улочку с выщербленной булыжной мостовой и тротуарами из длинных каменных плит. Следователь был удивлен, он и не знал, что в городе еще сохранились такие ветхозаветные улочки, на которых время остановилось и казалось, что сейчас из-за угла выйдет городской, а по булыжной мостовой звонко процокает лошадь, впряженная в пролетку с колоритным кучером на козлах. Просто удивительно, как эта улочка сохранилась в первозданном виде в большом, хоть и провинциальном, городе, закатанном в асфальт по самую макушку.

Однако на улицу, нарушая ее сонную ветхозаветность, выехала не пролетка, а убитая копейка, которая громко рычала мотором, скрежетала коробкой передач и оставляла за собой синий шлейф удушливого дыма. Копейка, покорно кланяясь капотом всем ухабам булыжной дороги, остановилась у старого трехэтажного дома, явного ровесника века. Дом окружали высокие раскидистые тополя. Едва заглох мотор копейки, как на улочке воцарилась прежняя патриархальная тишина. На лавочке, возле дома, положив на колени изуродованные артритом руки, зорко дремали старушки.

Инспектор вежливо поздоровался с ними и потянул за собой следователя во двор дома, он поспешил за ним, и они очутились в темном колодце двора, застроенного ветхими сарайчиками.

– Смотри, вот ее окно, – рука инспектора поднялась вверх и остановилась где-то на уровне третьего-четвертого этажа.

Глаза следователя послушно последовали вслед за рукой инспектора, и над следователем навис угрюмый дом, его первые два этажа были сложены из серо-коричневого камня, а с третьего по четвертый, – из темно-красного, подкопченного временем, кирпича. Под стать старым стенам были и широкие квадратные окна, с частыми переплетами, в свинцовых стеклах которых отражалось нависшее над домом угрюмое небо.

Следователь хотел уточнить, где же окно Верещагиной, но инспектор нетерпеливо дернул его за рукав и потянул дальше. Они вошли в подъезд, дверь в который никогда не закрывалась, поскольку эту дверь давно сняли с петель по причине ее ветхости, а новую не удосужились поставить, по скрипучей деревянной лестнице поднялись на четвертый этаж, и инспектор постучал в пятнистую от осыпавшейся краски дверь. Следователь прислушался и уловил, как в глубине квартиры что-то щелкнуло, послышались шаркающие шаги, и дверь со скрипом открылась.

На пороге появился божий одуванчик с седыми редкими волосами, в старом заношенном халате. Мигнув подслеповатыми глазками, божий одуванчик, прищурившись, узнал инспектора и без слов посторонился, пропуская их в квартиру. Было видно, что божий одуванчик так часто пускает инспектора в квартиру, что у него уже не осталось слов на привычные жалобы о бессовестной молодежи.

Коммунальная квартира встретила следователя запахом старости: мочи и резких кошачьих духов. Вместе с инспектором следователь пошел по длинному полутемному коридору, освещаемым скудным светом сорокасвечовой лампочки, затерявшейся в глубинах потолка. Коридор неожиданно повернулся налево, и они оказались в тупике.

В полутьме инспектор пошарил рукой по стене, щелкнул невидимым выключателем, и жидкий свет очередной маломощной электрической лампочки осветил тупик. Тупик оказался завешенным каким-то старым жаккардовым покрывалом, рисунок и цвет которого было невозможно разобрать в скудном свете. Инспектор приподнял покрывало и нырнул в открывшийся проем, он последовал за ним, и инспектор предупредил, осторожно, ступеньки, и следователь ногой нашарил ступеньки, одна, вторая, третья, четвертая, и они очутились на площадке с одной единственной дверью. Инспектор постучал в дверь. Никто не открыл. Следователь прислушался и уловил из-за двери звуки музыки. Инспектор еще раз постучал в дверь, и опять никто не открыл. Тогда инспектор с силой толкнул дверь, ригель старого замка выскочил из паза, и дверь широко раскрылась, вежливо пропуская их вовнутрь комнаты.

На пороге комнаты их приветствовали слова очень популярной песни: «Take me tonight I want to be your lover»⁷.

Инспектор повернулся к следователю и ернически произнес: «Прошу Вас на праздник молодой и беззаботной жизни, вы проходите-то, проходите, а я уж в сторонке постою. Насмотрелся я на них».

---

⁷ Take me tonight I want to be your lover – возьми меня сегодня ночью, я буду твоей возлюбленной (англ.)

Следователь вошел в комнату, посредине которой стоял большой круглый стол с голой столешницей, такие столы он видел только в далеком детстве в деревне и не ожидал, что такой круглый стол благополучно доживет в городе до нынешних времен.

Стол был заставлен нольсемилитровыми пустыми бутылками из-под портвейна «Агдам», открытыми консервными банками с оранжевыми этикетками рыбных консервов и бело-красными, столь памятными по студенческим временам этикетками консервов «завтрак туриста», этим завтраком туриста брезговали даже вечно голодные помойные кошки, но следователь помнил, как в годы учебы крепкие студенческие желудки с удовольствием и урчанием поглощали его и никогда не болели. Помимо бутылок и вскрытых консервных банок на столе валялись серые огрызки хлеба, объедки зеленых огурцов и красных помидор. Воздух в комнате был тяжелый, пахло несвежей пищей, застоявшимся табачным дымом.

За столом в одном угле комнаты находилась широкая кровать с железными спинками, а в другом – диван с высокой спинкой и валиками по краям. На кровати, диване и на полу лежали в разных позах парочки. Парочки от их неожиданного появления застыли, как в стоп-кадре, и следователь стал разглядывать присутствующих здесь девушек, пытаясь угадать, кто из них Верещагина.

Но инспектор не стал ждать, когда следователь угадает, он, переступая через голые тела, подошел к кровати и потянул на себя одеяло. Из-под одеяла сначала показалась тонкая девичья рука, потянувшая одеяло на себя, и после короткой борьбы с инспектором, одеяло слетело на пол, явив следователю голеньких парня и девушку. Парень спрятал голову под подушкой и стыдливо прикрыл рукой свое мужское достоинство.

Девушка, не стесняясь своей наготы, сначала села на кровати, свесив длинные ноги, а потом встала и намеренно медленно, выгибая, как кошка, спинку, потянулась, чтобы пришедшие следователь и инспектор могли воочию оценить ее юное девичье тело, с дерзко торчащими небольшими грудками с острыми розовыми сосками. Потом девушка привычным жестом, подняв обе руки вверх, на мгновение показав свои подмышки, заросшие рыжими волосками, пригладила растрепанные русые волосы, а ее небольшие серые глазки в упор посмотрели на следователя.

В глазах девушки было только одно любопытство, что это еще за новый зверь пожаловал к ним в гости. Инспектора по делам несовершеннолетних девушка не удостоила взглядом, а следователю неожиданно улыбнулась, словно говоря, что раз зашел сюда, в гости, давай, не стесняйся, присоединяйся к ним, здесь не содом и гоморра, тебя нагло обманули, это не обитель греха, ты – не жена Лота и за один погляд точно не превратишься в соляной столб. Здесь молодежь просто отдыхает от ночных трудов праведных и прячется от мира взрослых.

Следователя не смутила нагота девушки, за время работы в отделе милиции ему пришлось повидать всякое, и если нравится ей, пусть будет голой, он спокойно перенесет очередное искушение святого Антония.

Пока девушка и следователь играли друг с другом в гляделки, инспектор, кашлянув, чтобы привлечь к себе внимание, преувеличенно широким жестом, как провинциальный факир, собирающийся вытащить очередного кролика из своего поистине бездонного цилиндра, показал на девушку и утрированно-торжественным голосом циркового шпрыхсталмейстера произнес: «Вот и ваша Верещагина!».

VI

К. понял, что слишком легко пообещал следователю рассказать о своем прошлом. Воспоминания хаотично теснились в голове, накатываясь одно на другое, крутились в бешеной карусели, и так трудно было остановить это вращение, ухватить за кончик, чтобы разом вытянуть нить из этого перепутанного клубка, чтобы спеленать ею следователя и попытаться от него чего-нибудь добиться. Начать надо, пожалуй, с того, что он был пай-мальчиком, а сейчас стал падшим мальчиком (эх, почему не падшим ангелом), но едва он хватался за одно воспоминание, только что-то манившее и переливавшееся всеми цветами радуги, как оно увядало, словно давно срезанный цветок.

К. уже хотел бросить эту затею, но, с другой стороны, он пообещал следователю, и так приятно чувствовать себя человеком слова, хотя бы в такой мелочи, как в повествовании о своей печальной судьбе. С другой стороны, из общения с сокамерниками К. вынес твердое убеждение: все милицейские суть гиены мерзкие, что невыносимо мучают невинных людей, брошенных в узилище. Каждый пассажир в камере бил в себя в грудь пяткой и пытался убедить, что он не «при делах», попал совершенно случайно и виноватым себя не считал, обвиняя во всех своих бедах других, но только не себя, горемыку несчастную. После таких уверений сокамерников как-то не хотелось верить этим милицейским.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.